

КОБО
АБЭ

*Женщина
в песках*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Кобо Абэ
Женщина в песках
Серия «Азбука-классика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124547

*Кобо Абэ. Женщина в песках: Рипол Классик; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-389-13644-1*

Аннотация

Кобо Абэ – знаменитый японский прозаик и драматург. Масштаб его таланта огромен, его книги загадочны, увлекательны и парадоксальны. Эти своеобразные романы-притчи повествуют о людях, находящихся под властью навязчивой идеи или оказавшихся в ситуации, похожей на фантастический сон.

Именно таково самое известное произведение Кобо Абэ – «Женщина в песках». Главный герой, обыкновенный учитель, одержимый мечтой обнаружить новый вид насекомых, бесследно исчезает. Он оказывается пленником в странной деревне, безостановочно засыпаемой песком...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	8
3	18
4	24
5	33
6	40
7	47
8	58
9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Кобо Абэ

Женщина в песках

Kobo Abe

THE WOMAN IN THE DUNES

Copyright © 1962 by Kobo Abe

© В. С. Гривнин (наследник), перевод, 2017

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Часть первая

Без угрозы наказания нет радости побега.

1

В один из августовских дней пропал человек. Он решил использовать свой отпуск для поездки на побережье, до которого поездом было полдня пути, и с тех пор о нем ничего не слышали. Ни розыски полиции, ни объявления в газетах не дали никаких результатов.

Исчезновение людей – явление, в общем, не такое уж редкое. Согласно статистике, ежегодно публикуется несколько сот сообщений о пропавших без вести. И как ни странно, процент найденных весьма невелик. Убийства и несчастные случаи оставляют улики; когда случаются похищения, мотивы их можно установить. Но если исчезновение имеет какую-то другую причину, напасть на след пропавшего очень трудно. Правда, стоит назвать исчезновение побегом, как сразу же очень многие из них можно будет, видимо, причислить к этим самым обыкновенным побегам.

В данном случае тоже не было ничего необычного в отсутствии каких-либо следов. Примерно было известно место, куда отправился этот человек, но оттуда не поступило

сообщения о том, что обнаружен труп. Работа его не была связана с какими-либо секретами, из-за которых его могли бы похитить. А во всех его действиях, в поведении не было и намека на то, что он замышляет побег.

Сначала все, естественно, предположили, что здесь замешана женщина. Узнав от жены, что пропавший уехал собирать насекомых для своей коллекции, полицейские чиновники и сослуживцы были даже несколько разочарованы. Действительно, тащить банку с цианистым калием, сачки для ловли насекомых – и все только для того, чтобы скрыть побег с женщиной, – это было бы излишним притворством. А главное, станционный служащий сообщил, что в тот день на станции из поезда вышел мужчина, похожий на альпиниста, на его плечах крест-накрест висели деревянный ящик, напоминавший те, которыми пользуются художники, и фляга; он точно помнил, что человек был совершенно один. Таким образом, и это предположение отпало.

Появилась версия о самоубийстве на почве мизантропии. Ее высказал один из сослуживцев, большой любитель психоанализа. Уже одно то, что взрослый человек способен увлечься таким никчемным делом, как коллекционирование насекомых, доказывает психическую неполноценность. Даже у ребенка чрезмерная склонность к коллекционированию насекомых часто является признаком эдипова комплекса. Чтобы как-то компенсировать неудовлетворенное желание, он с удовольствием втыкает булавку в погибшее насеко-

мое, которое и так никуда не убежит. И уж если, став взрослым, он не бросил этого занятия, значит состояние его ухудшилось. Ведь довольно часто энтомологи одержимы манией приобретательства, крайне замкнуты, страдают kleptomанией, педерастией. А от всего этого до самоубийства на почве мизантропии – один шаг. Мало того, среди коллекционеров есть и такие, которые испытывают влечение не столько к самому коллекционированию, сколько к цианистому калию в своих банках, и потому-то они и не могут отказаться от своего занятия... А то, что у него ни разу не возникало желания откровенно рассказать о своем увлечении, разве не доказывает, что и сам он сознавал всю его постыдность?

Но поскольку труп не был обнаружен, все эти, казавшиеся такими стройными, умозаключения рухнули.

Действительной причины исчезновения так никто и не узнал. И по прошествии семи лет на основании статьи 30 Гражданского кодекса человек был признан умершим.

2

Однажды в августе после полудня на платформе станции S появился человек в серой пикейной панаме. На плечах у него крест-накрест висели большой деревянный ящик и фляга, брюки были заправлены в носки, как будто он собирался идти в горы. Однако поблизости не было ни одной горы, на которую стоило бы подниматься. И станционный служащий, проверявший у выхода билеты, подозрительно посмотрел ему вслед. Человек без колебаний вошел в автобус, стоявший около станции, и занял заднее место. Автобус шел в сторону, противоположную горам.

Человек доехал до конечной остановки. Выйдя из автобуса, он увидел, что вся местность здесь представляет собой бесконечное чередование возвышенностей и впадин. Низины были сплошь заняты нарезанными на узкие полосы рисовыми полями, и между ними, подобно островкам, возвышались небольшие рощицы хурмы. Мужчина миновал деревню и пошел дальше по направлению к побережью. Почва постепенно становилась все светлее и суше.

Вскоре дома исчезли, лишь изредка попадались группы сосен. Постепенно твердая почва перешла в мелкий, липнувший к ногам песок. Кое-где темнели островки сухой травы и виднелись точно по ошибке попавшие сюда, крохотные участки чахлых баклажанов. Но вокруг не было ни души.

Впереди, очевидно, было море, к которому он и направлялся.

Наконец человек остановился, огляделся, отер рукавом куртки пот с лица. Не спеша открыл деревянный ящик и из верхней крышки вынул связку палок. Соединил их вместе, и в руках у него оказался сачок для ловли насекомых. Он снова двинулся вперед, раздвигая палкой попадавшие ему редкие кустики травы. От песка пахло морем.

Но время шло, а моря все не было видно. Может быть, это пересеченная местность не позволяла видеть, что делается впереди, но, насколько хватало глаз, ландшафт не менялся. Неожиданно перед ним выросла деревушка. Это была обычная бедная деревушка: вокруг пожарной вышки теснились тесовые крыши, прижатые небольшими камнями. Несколько домов были крыты черной черепицей, а некоторые – даже железом, окрашенным в красный цвет. Дом с железной крышей, стоявший на углу единственного в деревне перекрестка, был, по-видимому, правлением рыболовецкой артели.

За деревней уж наверняка и море, и дюны. Но что-то деревушка раскинулась чересчур широко. Вокруг нее несколько участков плодородной земли, все остальное – белая песчаная почва. Виднелись небольшие поля земляного ореха и картофеля; запах моря смешивался с запахом скотины. На обочине твердой, как бы сцементированной песком и глиной дороги возвышались белые горы колотых ракушек. Пока человек шел по дороге, и дети, игравшие на открытом месте

перед правлением артели, и старик, чинивший сеть, и рас-
трепанные женщины, толпившиеся у единственной в дере-
вушке мелочной лавки, – все на миг замирали и с удивлени-
ем смотрели ему вслед. Но человек не обращал на них ника-
кого внимания. Его интересовали только дюны и насекомые.

Однако странным был не только размер деревушки. До-
рога вдруг пошла вверх. Это тоже было совершенно не ожи-
данно. Ведь если она ведет к морю, то, естественно, долж-
на идти под уклон. Может быть, он ошибся, когда смотрел
по карте? Он попытался расспросить повстречавшуюся как
раз девушку. Но она опустила глаза и прошла мимо, сделав
вид, что не слышит вопроса. Ладно, пойдем дальше. Что ни
говори, и цвет песка, и рыболовные сети, и горы ракушек –
все указывает на близость моря. В общем, причин для бес-
покойства нет.

Дорога становилась все круче, и кругом уже не было ни-
чего, кроме песка.

Но странно, то место, где стояли дома, нисколько не по-
вышалось. Лишь дорога шла вверх, сама же деревушка все
время оставалась как бы в низине. Впрочем, вверх шла не
только дорога. Вместе с ней повышались промежутки между
домами. Поэтому казалось, будто вся деревня идет в гору и
лишь дома остаются на одном уровне. Это впечатление все
усиливалось по мере продвижения вперед, к вершине дюны,
и вскоре ему показалось, что дома стоят в огромных ямах,
вырытых в песке. Наконец дорога, по которой он шел, и про-

межутки между домами оказались выше крыш. А дома все глубже погружались в песчаные ямы.

Склон неожиданно стал почти отвесным. Теперь от него до верхушек крыш было метров двадцать, не меньше. «Ну что там может быть за жизнь?» – подумал он, с содроганием заглядывая в глубокую яму. Вдруг бешеный порыв ветра перехватил дыхание, и мужчина поспешил отойти от края ямы. Неожиданно далеко внизу он увидел мутное пенящееся море, лизавшее прибрежный песок. Человек стоял на гребне дюны – именно там, куда стремился.

Склон дюны, обращенный к морю, откуда дуют муссоны, как обычно, был отвесным и голым. Но на более пологих местах пробивались кустики узколистой травы. Оглянувшись, он увидел, что огромные ямы, все более глубокие по мере приближения к гребню дюны, несколькими ярусами сходятся к центру деревушки, напоминая пчелиный улей в разрезе. Деревня, казалось, взбиралась на дюну. А может быть, дюна взбиралась на деревню? Во всяком случае, вид деревни раздражал, удручал человека.

Ну, ладно, до желанных дюн дошел, и все в порядке. Он отпил большой глоток воды из фляги, глубоко вздохнул, но воздух, казавшийся таким чистым, словно наждак, обжег горло.

Человек хотел пополнить свою коллекцию насекомыми, которые водятся в песке.

Песчаные насекомые невелики, тускло окрашены, но че-

ловека, одержимого манией коллекционирования, не привлекают ярkokрылые бабочки или стрекозы. Он не стремится украсить свои коллекции какими-то экзотическими образцами, не проявляет особого интереса к систематизации, не занимается поисками сырья для приготовления лекарств, используемых китайской медициной. У энтомолога есть свои бесхитростные и непосредственные радости – обнаружение нового вида. Удастся это – и в энтомологическом атласе рядом с длинным ученым латинским названием найденного насекомого появится и твое имя, и не исключено, что оно останется там на века. А если твое имя, пусть даже благодаря насекомому, надолго сохранится в памяти людей, – значит старания не пропали даром.

Огромное число видов насекомых, почти не различимых глазом, дает богатые возможности для все новых открытий. Вот и он тоже много времени отдал двукрылым и даже обыкновенным домашним мухам, которых так ненавидят люди. Виды мух, на удивление, многочисленны. Но поскольку мысль всех энтомологов развивается примерно в одном направлении, они почти завершили изучение большинства этих видов, включая и редчайший восьмой мутант, обнаруженный в Японии. Может быть, это потому, что жизнь людей тесно переплетена с жизнью мух.

Прежде всего следует обратить внимание именно на эту среду. Многочисленность видов мух, возможно, объясняется их большой приспособляемостью. Он просто подпрыгнул

от радости, сделав это открытие. Мысль моя не так уж глупа. Столь высокой приспособляемостью мух как раз и объясняется то обстоятельство, что они легко переносят самые неблагоприятные условия, в которых другие насекомые не могут существовать. Они приспособились, например, к жизни даже в пустыне, где все живое погибает...

Придя к этому выводу, он стал проявлять особый интерес к пескам. Результат не замедлил сказаться. Однажды в высохшем русле речки неподалеку от дома он увидел малюсенькое желтоватое насекомое, напоминавшее шпанскую мушку, принадлежащую к семейству жесткокрылых (*Cicindela Japonica*, Motschulsky). Как известно, шпанские мушки бывают самых разных цветов и размеров. Но передние лапки у них различаются весьма незначительно. Они-то и служат важным критерием для классификации, так как различие формы передних лапок означает и видовое различие. Второй сустав передней лапки насекомого, попавшегося ему на глаза, действительно имел примечательные особенности.

Передние лапки насекомых рода шпанских мушек, обычно тонкие, черные и весьма подвижные, у этой мухи были круглыми, толстыми, как бы покрытыми прочным панцирем, и ярко-желтого цвета. Возможно, на них налипла пыльца. Может быть, у насекомого было даже особое приспособление – что-нибудь вроде волосков, – чтобы собирать пыльцу. Если при осмотре он не допустил ошибки, то, должно

быть, сделал важное открытие.

Но, к сожалению, поймать это насекомое не удалось. Он был слишком взволнован, да и муха летала как-то совершенно необычно. Она улетела. Потом вернулась и стала ждать его приближения, словно хотела сказать: «Попробуй поймай меня». Когда он доверчиво подошел, она улетела, вернулась и снова стала ждать. Она как будто дразнила его, а потом окончательно скрылась в траве.

Так он стал пленником этой шпанской мушки с желтыми передними лапками.

Обратив внимание на песчаную почву, он еще больше утвердился в своем предположении. Ведь шпанская мушка – типичное насекомое пустыни. Согласно одной из теорий, необычный полет этих мушек – просто хитрость, которой они выманивают из нор мелких животных. Мыши, ящерицы, увлекаемые таким образом мушками, убегают далеко от своих нор в пустыню и погибают там от голода и усталости. Мушки только этого и ждут и пожирают погибших животных. Эти мушки имеют изящное японское наименование «письмоносец», и хотя, на первый взгляд, они кажутся грациозными, на самом деле у них острые челюсти и они настолько кровожадны, что пожирают даже друг друга. Он не знал, верна эта теория или нет, но, несомненно, был пленен загадочным полетом шпанской мушки.

Естественно, возрос и его интерес к песку, который создавал условия для жизни шпанской мушки. Он стал читать ли-

тературу о песке, и чем больше читал, тем больше убеждался в том, что песок очень интересное явление. В энциклопедии, например, в статье о песке можно прочесть следующее:

«Песок – скопление разрушенной горной породы. Иногда включает в себя магнитный железняк, каситерит, реже золотой песок. Диаметр от двух до одной шестнадцатой миллиметра».

Ну до чего же ясное определение! Короче говоря, песок образуется из разрушенной горной породы и представляет собой нечто среднее между мелкими камешками и глиной. Но назвать песок промежуточным продуктом еще не значит дать исчерпывающее объяснение. Почему из трех элементов – камней, песка и глины, – из которых в сложных сочетаниях состоит земля, только песок может находиться в изолированном состоянии и образовывать пустыни и песчаные местности? Если бы это был просто промежуточный продукт, то благодаря эрозии между голыми скалами и областями глины можно было бы обнаружить бесчисленное количество промежуточных продуктов, образованных путем их взаимного проникновения. Но ведь на самом деле существуют только три ясно различимых вида пород: скальные, песчаные, глинистые. Удивительно также и то, что величина песчинок почти всегда одинакова: будь то песок на побережье острова Эносима или в пустыне Гоби, она равна в среднем одной восьмой миллиметра, и располагаются песчинки по кривой, близкой к гауссовой.

В одном исследовании давалось весьма упрощенное объяснение разрушения почвы благодаря эрозии: легкие элементы разносятся на большие расстояния. Но в нем совершенно не объяснялась особенность размера песчинок, равного одной восьмой миллиметра. В другом труде по геологии давалось противоположное объяснение:

«И потоки воды, и потоки воздуха создают турбуленцию. Наименьшая длина волны турбуленции эквивалентна диаметру песка в пустыне. Благодаря этой особенности из почвы извлекается только песок, причем извлекается он под прямым углом к потоку. Если сила сцепления отдельных компонентов почвы невелика, песок может подниматься в воздух даже очень слабым ветром, неспособным увлечь камни и глину. Затем он снова опускается на землю дальше по движению ветра. Особенности песка должны, видимо, рассматриваться аэродинамикой».

Продолжим приведенное выше определение:

«...то есть частицы разрушенных горных пород такой величины, которая делает их наиболее подвижными».

Поскольку на земле всегда существуют ветер и потоки воды, образование песков неизбежно. И до тех пор, пока будут дуть ветры, течь реки, катить свои волны моря, из земли будут извлекаться все новые и новые массы песка и, подобно живому существу, расплзаться повсюду. Песок не знает отдыха. Незаметно, но упорно он захватывает и разрушает землю...

Эта картина вечно движущегося песка невыразимо волновала и как-то подхлестывала его. Бесплодность песка, какой она представляется обычно, объясняется не просто его сухостью, а непрерывным движением, которого не может перенести ничто живое. Как это похоже на унылую жизнь людей, изо дня в день цепляющихся друг за друга.

Да, песок не особенно пригоден для жизни. Но является ли незыблемость абсолютно необходимой для существования? Разве от стремления утвердить незыблемость не возникает отвратительное соперничество? Если отбросить незыблемость и отдать себя движению песка, то кончится и соперничество. Ведь и в пустыне растут цветы, живут насекомые и звери. Все это живые существа, вырвавшиеся за рамки соперничества благодаря огромной силе приспособляемости. Вот как его шпанские мушки...

Он рисовал в своем воображении движение песка, и у него уже начинались галлюцинации – он видел и себя самого в этом нескончаемом потоке.

Опустив голову, человек снова пошел вперед по гребню дюны, огибавшей деревню полумесяцем, подобно крепостному валу. Он почти совсем не обращал внимания на то, что делалось вдали. Для энтомолога важно сосредоточить все свое внимание на пространстве в радиусе трех метров вокруг своих ног. И одно из важнейших правил – не становиться спиной к солнцу. Если солнце окажется сзади, то своей тенью можно спугнуть насекомое. Поэтому лоб и нос охотников за насекомыми загорают дочерна.

Человек размеренно и медленно продвигался вперед. При каждом шаге песок обрызгивал его ботинки. Вокруг не было ничего живого, кроме неглубоко сидевших кое-где кустиков травы, готовой хоть сейчас зацвести, будь чуть побольше влаги. Если и появлялось здесь что-нибудь летающее, это были окрашенные, как панцирь черепахи, мушки, привлеченные запахом человеческого пота. Но как раз в таком месте надежды часто сбываются. Правда, шпанские мушки не любят жить стаями, и бывают даже случаи, когда одна мушка захватывает целые километры в округе. Ничего не поделаешь – нужно упорно продолжать поиски.

Вдруг он остановился. В траве что-то зашевелилось. Это был паук. Пауки ему ни к чему. Он присел, чтобы выкурить сигарету. С моря все время дул ветер, внизу рваные белые

волны вгрызались в основание дюны. Там, где западная оконечность дюны сходила на нет, в море выдавалась небольшая скалистая возвышенность. На ней, подобно острым иглам, были рассыпаны лучи солнца.

Спички никак не зажигались. Десять спичек извел – и все впустую. Вдоль брошенных спичек почти со скоростью секундной стрелки двигались струйки песка. Он заметил небольшую волну песка и, как только она докатилась до каблука его ботинка, поднялся. Из складок брюк посыпался песок. Он сплюнул – во рту как будто теркой провели.

Однако не слишком ли мало здесь насекомых? Может быть, движение песка чересчур стремительно? Нет, отчаиваться еще рано. Ведь теоретически здесь не может не быть насекомых.

Вершина дюны стала более ровной, кое-где она далеко отступала от моря. Подгоняемый надеждой на добычу, он стал спускаться по пологому склону. Кое-где торчали остатки бамбуковых щитов для задержания песка, и виднелась расположенная несколько ниже терраса. Мужчина пошел дальше, пересекая песчаные узоры, прочерченные ветром с точностью машины. Неожиданно все исчезло из его поля зрения, и он увидел, что стоит на краю глубокой ямы.

Яма была неправильной овальной формы, больше двадцати метров в ширину. Противоположная ее стена казалась сравнительно отлогой, а та, где он стоял, обрывалась почти отвесно. Ее выгнутый край, гладкий, как у фарфоровой чаш-

ки, был очень скользким. Осторожно упершись в него ногой, он заглянул вниз. И только теперь понял, что, хотя кругом светло, уже приближается вечер.

На самом дне ямы в мрачной глубине стояла, погруженная в молчание, лачуга. Крыша одним концом вдавалась в отлогую песчаную стену. «Ну совсем как раковина устрицы, – подумал он. – Что тут ни делай, а против закона песка не пойдешь...»

Только он начал прилаживаться с фотоаппаратом, как песок из-под его ног шурша пополз вниз. В испуге он отдернул ногу, но песок еще какое-то время продолжал течь. Как неустойчиво это равновесие песка! Задыхаясь от волнения, он вытер взмокшие ладони о штаны.

За его спиной кто-то кашлянул. Рядом, почти касаясь его плеча, стоял неизвестно откуда взявшийся старик, судя по всему рыбак из деревни. Посмотрев на фотоаппарат, а потом на дно ямы, он сморщил в улыбке продубленное лицо. Что-то липкое скопилось в углах его налитых кровью глаз.

– Что, обследование?

Голос относил ветром, он звучал глухо, бесцветно, как будто из переносного приемника. Но выговор был ясный, понять не трудно.

– Обследование? – Человек в замешательстве прикрыл ладонью объектив и стал поправлять сачок, чтобы старик заметил его. – Что вы хотите сказать? Я что-то не понимаю... Я, видите ли, коллекционирую насекомых. Моя специальность

– насекомые, которые водятся вот в таких песках.

– Что? – Старик как будто ничего не понял.

– Кол-лек-ци-о-ни-ру-ю на-се-ко-мых! – повторил он громким голосом. – На-се-ко-мых, понимаете, на-се-ко-мых! Я их ловлю!

– Насекомых? – Старик, явно не поверив, отвел глаза и сплюнул. Или, лучше сказать, на губе у него повисла слюна. Подхваченная ветром, она вытянулась в длинную нить. Собственно, что его так беспокоит?

– А в этом районе проходит какое-нибудь обследование?

– Да нет, если вы не из обследователей, делайте что хотите, мне все равно.

– Нет-нет, я не из инспекции.

Старик, даже не кивнув, повернулся к нему спиной и медленно пошел по гребню дюны, загребая носками соломенных сандалий.

Метрах в пятидесяти, видимо ожидая старика, неподвижно сидели на корточках трое одинаково одетых мужчин. Когда они появились? У одного из них, кажется, был бинокль, который он все время вертел на коленях. Старик подошел к ним, и все четверо начали о чем-то совещаться, яростно отгребая песок друг у друга под ногами; казалось, они заспорили.

Он совсем уже было собрался продолжать поиски своей мухи, как, запыхавшись, прибежал старик.

– Постойте, вы правда не из префектуры?

– Из префектуры?.. Да нет, вы обознались.

«Ну хватит», – решил он и протянул навязчивому старику визитную карточку. Шевеля губами, тот долго читал ее.

– А-а, вы учитель...

– Видите, я совсем не связан с префектурой.

– Угу, значит, вы учитель...

Наконец-то он, кажется, уразумел; сощурившись и держа карточку в вытянутой руке, старик вернулся к остальным. Визитная карточка как будто и их успокоила. Они поднялись и ушли.

Однако старик снова возвратился.

– Ну а теперь что вы собираетесь делать?

– Да вот искать насекомых буду.

– Но ведь вы опоздали на последний автобус.

– А здесь я нигде не мог бы переночевать?

– Переночевать? В этой деревне? – В лице старика что-то дрогнуло.

– Ну, если здесь нельзя, пойду в соседнюю.

– Пойдете?..

– А я, в общем, никуда особенно не тороплюсь...

– Нет-нет, ну зачем же вам затрудняться... – Старик стал вдруг услужливым и продолжал словоохотливо: – Сами видите, деревня бедная, ни одного приличного дома нет, но, если вы не против, я помогу, замолвлю за вас словечко.

Не похоже, что он замышляет дурное. Они, наверно, чего-то опасаются, – может быть, ждут чиновника из префек-

туры, который должен приехать с проверкой. Теперь страхи их рассеялись, и они снова простые приветливые рыбаки.

– Буду чрезвычайно признателен... Отблагодарю вас, конечно. Я вообще очень люблю останавливаться в таких вот крестьянских домах.

Солнце село, ветер немного утих. Мужчина бродил по дюне до тех пор, пока были различимы узоры, прочерченные на песке ветром.

Улов, в общем, небогатый.

Сверчок и белоусая ухвертка отряда прямокрылых.

Солдатики и еще одно насекомое, – он точно не помнил названия, но тоже разновидность солдатиков.

Из жесткокрылых, которых искал, – только долгоносики и длинноногие письмоносы.

И не попало ни одного экземпляра из семейства мух, которые, собственно, и были целью поездки. Может быть, завтрашние трофеи принесут радость...

От усталости перед глазами у него плавали какие-то тусклые блики света. Вдруг он непроизвольно остановился и стал всматриваться в поверхность темной дюны. Тут уж ничего не поделаешь: все, что двигалось, казалось ему шпанской мушкой.

Старик, как и обещал, ждал его около правления артели.

– Прошу прощения...

– Да ну что вы. Только бы вам понравилось...

В правлении, по-видимому, о чем-то совещались. Четверо или пятеро мужчин сидели кружком, слышался смех. Над крыльцом висело большое полотнище с надписью: «Будь ве-

рен духу любви к родине». Старик буркнул что-то – смех сразу прекратился. Как бы нехотя он пошел вперед, мужчина – за ним. Покрытая ракушками дорога ярко белела в сгущающихся сумерках.

Наконец подошли к одной из ям, расположенных у самого гребня дюны. Здесь деревня кончалась.

Они свернули вправо, на узкую тропинку, ведущую от гребня вниз, через некоторое время старик нырнул в темноту, хлопнул в ладоши и громко крикнул:

– Эй, бабка, где ты?

Внизу, прямо под ногами, в крошечной тьме появился фонарь и послышалось:

– Здесь, здесь... Лестница возле мешков.

Действительно, эту кручу без лестницы не одолеешь. Три дома, как тот внизу, можно, пожалуй, поставить один на другой; даже с лестницей нелегко туда добраться. Склон почти отвесный, а ведь днем, он это ясно помнит, казался совсем пологим. Лестница ненадежна, связана из разных веревок, и, если потеряешь равновесие, она запутается где-нибудь посередине. Все равно что жить в естественной крепости.

– Не беспокойтесь ни о чем, отдыхайте...

Старик не стал спускаться вниз, постоял немного и ушел.

Мужчина с ног до головы был обсыпан песком, и ему вдруг почудилось, что он вернулся в свое детство. Женщину, которая встретила его с фонарем, назвали бабкой, и он уже успел представить себе старуху, но она оказалась приятной,

совсем еще молодой, лет тридцати, невысокого роста. Она, видимо, пудрилась, – для женщины, живущей у моря, лицо ее было слишком белым. В общем, он был благодарен ей за то, что она встретила его приветливо, с непритворной радостью.

Впрочем, если бы не радушный прием, он не смог бы заставить себя переступить порог этой лачуги. Он бы, наверно, сразу же сбежал, решив, что его дурачат. Стены облупились; вместо фусума¹ висели циновки; опоры, поддерживавшие крышу, покосились; все окна забиты досками; соломенные маты, устилающие пол, готовы рассыпаться и, когда на них ступаешь, хлопают, будто мокрая губка. И ко всему этому – отвратительный, какой-то прелый запах спекшегося песка.

Но ведь все зависит от настроения. Он был обезоружен приветливостью женщины. Ничего, говорил он себе, такое случается раз в жизни. А вдруг повезет и какое-нибудь интересное насекомое удастся встретить. Во всяком случае, в такой среде насекомые живут и радуются.

Предчувствие не обмануло его. Не успел он сесть на предложенное ему место у очага, вырытого прямо в земляном полу, как послышался шорох, будто дождь пошел. Это было скопище блох. Но его этим не запугаешь. Энтомолог всегда подготовлен к подобным неожиданностям. Нужно только из-

---

¹ *Фусума* – раздвижная перегородка в японском доме, служащая одновременно и дверью.

нанку одежды засыпать ДДТ, а открытые части тела перед сном натереть мазью от насекомых.

– Я готовлю поесть, и поэтому пока... – женщина нагнулась и взяла лампу, – потерпите немножечко в темноте.

– А у вас что, всего одна лампа?

– Да, к сожалению...

Она улыбнулась виновато, – на левой щеке появилась ямочка. У нее очень привлекательное лицо, подумал он. Только выражение глаз какое-то странное. Но может быть, это из-за болезни. Воспаленные веки не могла скрыть даже пудра. Не забыть бы перед сном закапать в глаза капли...

– Но до еды мне хотелось бы выкупаться.

– Выкупаться?

– А что, это невозможно?

– Очень жаль, но придется подождать до послезавтра.

– До послезавтра? Но ведь послезавтра меня уже здесь не будет, – засмеялся он произвольно громко.

– Разве?..

Женщина отвернулась, плечи ее задрожали. Расстроилась, наверно. Эти деревенские жители даже не пытаются притворяться. Чувствуя неловкость, он смущенно пожевал губами.

– Ну, если негде выкупаться, достаточно будет просто облиться водой. А то я весь в песке...

– Воды, вы уж простите, осталось одно ведерко... До колодца ведь очень далеко...

Какая-то она забитая. Ладно, ничего больше не буду говорить. Но вскоре убедился, что купание здесь совершенно бессмысленно.

Женщина принесла вареную рыбу и суп из моллюсков. В общем, пища морского побережья, и это было неплохо. Как только он принялся за еду, она раскрыла над ним большой бумажный зонт.

– Зачем это? («Наверно, какой-то местный обычай».)

– Иначе песок попадет в еду.

– Почему? – Он посмотрел на потолок и, к своему удивлению, не обнаружил там ни одной щели.

– Песок, понимаете... – Женщина тоже взглянула на потолок. – Он летит отовсюду... Не метешь день, и его соберется на три пальца.

– Может быть, крыша прохудилась?

– Да нет, когда она совсем новой была, песок все равно сюда попадал... И вправду нет ничего страшней этого песка. Он похуже точильщика.

– Точильщика?

– Это такие жучки, которые точат дерево.

– Наверно, термиты?

– Нет, такие, знаете, тверденькие.

– А-а, тогда это жуки-дровосеки.

– Дровосеки?

– Красноватые, с длинными усами. Они?

– Нет-нет, эти как зернышки риса и цветом коричневые.

– Вот оно что. В таком случае это радужный жук.

– Если не следить, то он такую вон балку в два счета сгноит.

– Кто, радужный жук?

– Нет, песок.

– Почему?

– Он проходит через все. А когда ветер дует с плохой стороны, песок наметает на чердак, и если не убирать, его наберется там столько, что доски на потолке не выдержат.

– Да, не годится, чтобы песок скапливался на чердаке... Но не кажется ли вам немного странным говорить, что песок может сгноить балку?

– Почему же, сгноит.

– Но ведь песок отличается как раз тем, что он очень сухой.

– Все равно сгноит... Говорю же вам, поставьте новенькие гэта² и не сметайте песок – через полмесяца от них ничего не останется.

– Не понимаю почему.

– Дерево гниет, и вместе с ним гниет и песок... Попробуйте откопать потолочные доски от дома, который засыпало песком, – там будет жирная земля, хоть огурцы выращивай.

– Чепуха!.. – презрительно поморщился мужчина. Ему показалось, что его представление о песке оскверняется ее невежеством. – Я ведь и сам кое-что знаю о песке... Види-

---

² Гэта – деревянная обувь.

те ли, этот самый песок вот так и движется круглый год... В движении его жизнь... Он нигде не задерживается – ни в воде, ни в воздухе, – он движется сам по себе... Вот почему не всякое живое существо может обитать в песке... Это относится и к бактериям, вызывающим гниение... Песок, если хотите, олицетворение чистоты, он может скорее предотвратить гниение, и считать, что он гноит, просто нелепо... А вы еще говорите, что он сам гниет... Начать хотя бы с того, что песок вполне добропорядочный минерал.

Женщина растерянно молчала. Мужчина под зонтом, который она все еще держала над ним, торопливо доедал обед, не проронив больше ни звука. Зонт покрылся таким слоем песка, что на нем можно было писать пальцем.

Просто невыносимая сырость. Нет, песок не сырой, само тело пропитано сыростью. Над крышей завывал ветер. Полез за сигаретами – и в кармане полно песка. Еще не закурив, мужчина ощутил во рту горечь табака.

Выну, пожалуй, насекомых из банки с цианистым калием. Пока они еще не засохли, наколю их на булавки и расправлю хоть лапки. Слышно, как женщина под навесом у дома моет посуду. Наверно, здесь больше никто не живет.

Женщина вернулась и молча стала расстилать постель в углу. Если здесь лягу я, где же тогда она устроится на ночь? Ну конечно, в той дальней комнате за циновкой. Других как будто нет. Но как-то странно – положить гостя в проходной комнате, где дверь на улицу, а самой спать в дальней. Но мо-

жет быть, там лежит тяжелобольной, который не может двигаться... Да, это, пожалуй, верное предположение. Во всяком случае, самым естественным было бы думать именно так. Вряд ли одинокая женщина будет ухаживать за первым встречным прохожим.

– Здесь кто-нибудь еще есть?..

– Кто-нибудь?..

– Из семьи...

– Никого, я совсем одна. – Женщина, казалось, прочла его мысли и неожиданно смущенно засмеялась... – Из-за этого песка все отсырело, даже одеяло...

– А ваш муж где?

– В прошлогодний тайфун... – Она снова и снова разглаживала и взбивала уже приготовленную постель, в общем, занималась совершенно ненужным делом. – А тайфуны у нас страшные... Песок обрушивается сюда с грохотом, как водопад. Не успеешь оглянуться, за вечер наметет дзё, а то и два.

– Но ведь два дзё – это шесть метров...

– В такое время сколько ни отгребай песок, все равно за ним не угнаться. Так вот муж крикнул мне: «Курятник в опасности!» – и вместе с дочкой, она в среднюю школу уже ходила, выскочил из дому... А сама я выйти не могла – следила, чтобы хоть дом цел остался... Наконец начало светать, ветер утих, и я вышла. Курятника и след простыл. Их я тоже не нашла...

– Засыпало?

– Да, начисто.

– Это ужасно... Страшное дело. Песок и такое... Это ужасно...

Лампа неожиданно начала гаснуть.

– Опять этот песок.

Женщина встала на четвереньки, протянула руку и, засмеявшись, схватила пальцами фитиль. Лампа сразу ярко разгорелась. Оставаясь в том же положении, она пристально смотрела на огонь, на лице ее застыла заученная улыбка. Наверно, это она нарочно, чтобы показать свою ямочку на щеке. Мужчина невольно весь напрягся. Это было чересчур цинично, ведь только что она рассказывала о гибели своих близких.

5

– Эй там, мы привезли лопату и бидоны еще для одного.

Голос, доносившийся издалека, слышался отчетливо, – наверно, говорили в рупор, – и рассеял возникшую между ними неловкость. Потом послышался грохот каких-то жестяных предметов, летящих вниз. Женщина поднялась, чтобы ответить.

Он почувствовал раздражение: за его спиной происходило что-то непонятное.

– В чем дело? Значит, здесь еще кто-то есть!

– Не нужно, прошу вас... – Женщина сжалась вся, как от щекотки.

– Но ведь только сейчас кто-то сказал: «Еще для одного».

– А-а-а. Это... Это они о вас.

– Обо мне?.. Какое отношение я имею к лопате?..

– Ничего, ничего, не обращайтесь внимания... Вечно они суются не в свое дело...

– Наверно, они просто ошиблись?

Однако женщина не ответила и, повернувшись на коленях, спустила ноги на земляной пол.

– Вам еще нужна лампа?

– Пожалуй, обойдусь... А вам она там не понадобится?

– Да нет, работа мне эта привычна.

Надев большую соломенную шляпу, в каких обычно ра-

ботають на поле, женщина скользнула в темноту.

Мужчина закурил новую сигарету. Вокруг творится что-то необъяснимое. Встал и заглянул за циновку. Там действительно была комната, но вместо постели возвышалась горка песка, набившегося сквозь щели в стене. Он застыл, пораженный... И этот дом тоже почти мертв... Его внутренности уже наполовину сожрал проникающий всюду своими щупальцами, вечно текущий песок... Песок, не имеющий своей собственной формы, кроме среднего диаметра в одну восьмую миллиметра... Но ничто не может противостоять этой сокрушающей силе, лишенной формы... А может быть, как раз отсутствие формы и есть высшее проявление силы...

Однако мужчина быстро вернулся к действительности. Постой, если комнату эту использовать нельзя, где же тогда будет спать женщина? Вот она ходит взад-вперед за дощатой стеной. Стрелки его ручных часов показывали две минуты девятого. Что ей там нужно в такое время?

Мужчина спустился на земляной пол в поисках воды. Ее в баке осталось на доньшке, и в ней плавает ржавчина. Но все равно она лучше, чем песок во рту. Остаток воды он плеснул на лицо, протер шею и сразу приободрился.

По земляному полу тянул холодный ветер. На улице его, наверно, легче переносить. С трудом он открыл засыпанную песком дверь и выбрался из дома. Ветер, дувший со стороны дороги, и правда стал значительно свежее. Он донес до него тархтение пикапа. Если прислушаться, можно разли-

читать голоса людей. Может быть, это только кажется, но там сейчас оживленнее, чем днем. Или это шум моря? Небо было усыпано звездами.

Увидев свет лампы, женщина обернулась. Ловко орудуя лопатой, она насыпала песок в большие бидоны из-под керосина. За ней, нависая, возвышалась темная стена песка. Это, примерно, то место, над которым он днем ловил насекомых. Наполнив бидоны, женщина подняла сразу оба и понесла их к стене. Проходя мимо него, подняла глаза и сказала сипло: «Песок...» Она опорожнила бидоны около того места, где висела веревочная лестница, а наверху была тропинка, которая вела к этой яме. Ребром ладони стерла пот с лица. Песок, который она уже перенесла сюда, возвышался внушительной горой.

– Отгребаете песок?

– Сколько ни отгребай, конца все равно нет.

Проходя мимо него с пустыми бидонами, женщина слегка толкнула его в бок свободной рукой, как будто пощекотала. От неожиданности он отскочил в сторону, чуть не уронив лампу. Может быть, поставить лампу на землю и ответить женщине тем же? Он заколебался, не зная, как себя вести. В конце концов мужчина решил, что то положение, в котором он находится, самое выгодное. Изобразив на лице подобие улыбки, значения которой и сам не понимал, он неловкой походкой, с лампой в руке, стал приближаться к женщине, снова взявшейся за лопату. Когда подошел, ее тень захватила

всю песчаную стену.

– Не нужно, – сказала она, не оборачиваясь, тяжело дыша. – До того, как спустят корзины для песка, надо еще шесть бидонов перетащить.

Мужчина нахмурился. Было неприятно, что с него, как будто специально, сбили, в общем-то, наигранное бодрое настроение. Но независимо от его воли что-то хлынуло в вены. Казалось, песок, прилипший к коже, проник в вены и изнутри погасил его возбуждение.

– Может, я вам немного помогу?

– Ничего... Не годится заставлять вас работать в первый день, даже немного.

– В первый день?.. Опять о том же... Я пробуду здесь только одну эту ночь!

– Да?

– Ну конечно, я ведь работаю... Давайте, давайте лопату!

– Ваша лопата вон там, но, может, не нужно...

Действительно, под навесом недалеко от входа отдельно стояла лопата и два бидона из-под керосина с привязанными ручками. Это наверняка те, которые недавно сбросили сверху, когда кричали: «Еще для одного». Все было приготовлено чересчур тщательно, и у него даже создалось впечатление, что они предугадали его намерения. Но ведь тогда он еще и сам не знал, что захочет работать. Все же он почувствовал себя униженным, и у него испортилось настроение. Ручка у лопаты была толстая, сучковатая, темная от долгого

употребления – никакого желания за нее браться.

– Ой, корзины уже у соседей! – воскликнула женщина, будто и не заметив его колебаний. Голос был радостный и доверчивый, совсем не такой, как раньше. В это время оживленные голоса людей, уже давно доносившиеся издали, слышались совсем близко. Подряд повторялись ритмичные выкрики, иногда прерываемые тихим шепотом вперемежку со сдвинутым смехом. Ритм труда неожиданно приободрил его. В этом безыскусном мире, наверно, не видят ничего особенного в том, что гость, остановившийся всего лишь переночевать, берет в руки лопату. Скорее даже, его колебания показались бы здесь странными. Чтобы лампа не упала, он каблук сделал для нее углубление в песке.

– Копать, пожалуй, можно где угодно, лишь бы копать, верно?

– Да нет, не где угодно...

– Ну, вот здесь?

– Здесь можно, только старайтесь не подкапывать стену.

– По всей деревне отгребают песок в это время?

– Ну да. Ночью песок влажный и работать легче... А когда песок сухой... – она посмотрела вверх, – никогда не знаешь, в каком месте и в какую минуту он обвалится.

Действительно, на краю обрыва, подобно снежному наносу, выдавался набухший песчаный козырек.

– Но ведь это же опасно!

– Э-э, ничего, – насмешливо и чуть кокетливо бросила

она. – Смотрите, туман начинает подниматься.

– Туман?..

Пока они разговаривали, звезды на небе поредели и стали постепенно расплываться. Какая-то мутная пелена беспорядочно клубилась там, где была граница между небом и песчаной стеной.

– Это потому, что сам песок берет в себя очень много тумана... А когда соленый песок набирается тумана, он становится тугим, как крахмал...

– Ну и ну...

– Верно, верно. Так же, как морской берег, с которого только сошла волна, – по нему спокойно хоть танк проедет.

– Вот это да!..

– Я правду говорю... Вот потому-то за ночь тот карниз и нарастает... А в дни, когда ветер дует с плохой стороны, правда, правда, он свисает вот так вот, как шляпка гриба... Днем песок высыхает, и весь этот навес сваливается вниз. И если он упадет неудачно, – ну, там, где столбы, подпирающие крышу, тонкие или еще что, – тогда конец.

Интересы этой женщины крайне ограничены. Но как только она входит в сферу собственной жизни, то оживляется до неузнаваемости. Здесь, наверно, и лежит путь к ее сердцу. И хотя путь этот не особенно его привлекал, была в интонациях женщины какая-то напряженность, пробуждавшая в нем желание ощутить ее тело, упрятанное в грубую рабочую одежду.

Мужчина изо всех сил стал раз за разом втыкать зазубренную лопату в песок.

Когда он оттащил бидоны из-под керосина второй раз, слышались голоса, и вверху на дороге закачался фонарь.

Тонем, который мог показаться даже резким, женщина сказала:

– Корзины! Здесь хватит, помогите мне там!

Мужчина только сейчас понял назначение засыпанных песком мешков около лестницы наверху. По ним ходила веревка, когда поднимали и спускали корзины. С каждой корзиной управлялись четыре человека, и таких групп было, по-видимому, две или три. В основном это была, как ему показалось, молодежь, работавшая быстро и споро. Пока корзина одной группы наполнялась, другая корзина уже ждала своей очереди. В шесть заходов куча песка в яме исчезла без следа.

– Ну что за ребята, огонь!

Рукавом рубахи он вытирал пот, тон его был полон добродушия. Мужчина проникся симпатией к этим парням, которые, казалось, целиком отдались своей работе и не проронили ни одного насмешливого слова о его помощи.

– Да, у нас строго придерживаются заповеди: «Будь верен духу любви к родине».

– А что это за дух?

– Дух любви к тому месту, где ты живешь.

– Это очень хорошо!

Мужчина засмеялся. Вслед за ним засмеялась и женщина. Но она, по-видимому, и сама не знала как следует, чему смеется.

Вдали послышалось тарахтенье отъезжающего пикапа.

– Ну что, перекурим?..

– Нельзя. Когда они объедут всех, сразу же вернутся со своими корзинами...

– Ничего, остальное можно и завтра...

Он махнул рукой, встал и направился к дому, но женщина и не думала идти вслед за ним.

– Так не годится. Надо хоть разок пройтись с лопатой вокруг всего дома.

– Вокруг дома?

– Ну да. Разве можно позволить, чтобы дом рушился?.. Ведь песок сыплется со всех сторон...

– Но так мы провозимся до самого утра.

Женщина, как будто бросая вызов, резко повернулась и побежала. Собирается, наверно, вернуться к обрыву и продолжать работу. Ну точно шпанская мушка, подумал он. Все понятно, теперь его этим не возьмешь.

– Ужас! И так каждую ночь?

– Песок не отдыхает и не дает отдыха... И корзины, и пикап всю ночь в движении.

– Да, видимо, так...

Да, это безусловно так. Песок никогда не отдыхает, никогда не дает отдохнуть. Мужчина растерялся. У него было та-

кое чувство, будто он вдруг обнаружил, что змея, которой он легкомысленно наступил на хвост, считая ее маленькой и безобидной, оказалась неожиданно огромной и ее ядовитая голова угрожает ему сзади.

– Что же получается? Вы живете только для того, чтобы отгребать песок!

– Но ведь нельзя же взять и сбежать ночью.

Мужчина был потрясен. Он не испытывал никакого желания быть втянутым в такую жизнь.

– Нет, можно!.. Разве это так уж трудно?.. Вы сможете все, если только захотите!

– Нет, так нельзя... – Женщина, дыша в такт ударам лопаты, продолжала безразличным тоном: – Деревня еще как-то может существовать только потому, что мы без устали отгребаем песок и тем сохраняем ей жизнь... А если мы перестанем копать, ее занесет песком меньше чем за десять дней – и ничего от деревни не останется... Ну и потом... Ой, кажется, очередь уже до соседей дошла...

– Весьма вам признателен за интересный рассказ... По этой же причине и переносчики корзин работают так усердно?

– Да, но они, правда, поденно получают что-то от сельской управы...

– Если у деревни есть такие деньги, почему же не ведутся тщательные посадки лесных полос для защиты от песка?

– Если посчитать, то выйдет, наверно, что наш способ на-

много дешевле...

– Способ?.. Разве это способ? – Мужчина вдруг разозлился. Разозлился на тех, кто привязал женщину к этому месту, и на женщину, позволившую привязать себя. – Если так, то зачем же цепляться за эту деревню? Ну, не понимаю я причины... Песок не такая уж пустячная штука! Большой ошибкой было бы думать, что ваши старания могут противостоять песку. Нелепость!.. С этим вздором нужно покончить... покончить раз и навсегда. Я даже не могу сочувствовать вам!

Отбросив лопату к валявшимся поодаль бидонам и не обращая внимания на выражение ее лица, он вернулся в дом.

Не спалось. Мужчина прислушивался к тому, что делала женщина. Ему было немного стыдно: ведь такое его поведение в конечном счете – это ревность к тому, что ее здесь удерживает, понуждение бросить работу и украдкой прийти к нему в постель. Действительно, то, что он остро ощущал, было не просто возмущением глупостью женщины. Все было гораздо глубже. Одежда становилась все более влажными, песок все сильнее лип к телу. Как это несправедливо, как это возмутительно! И поэтому нечего винить себя за то, что бросил лопату и вернулся в дом. Такую ответственность он на себя не возьмет. У него и без этого обязательств более чем достаточно. И то, что его увлек песок и насекомые, в конце концов было лишь попыткой, пусть хоть на время, убежать от нудных обязанностей бесцветного существования...

Никак не заснуть.

Женщина без отдыха ходит взад и вперед. Несколько раз звук спускавшихся корзин приближался, потом снова удалялся. Если так будет продолжаться, завтра он не сможет работать. Ведь нужно встать, как только рассветет, и провести день с пользой. Чем больше он старается заснуть, тем бодрее становится. Появилась резь в глазах – они слезились, моргали, но не могли справиться с беспрерывно сыпавшимся песком. Он расправил полотенце и накрыл им лицо. Стало трудно дышать. Но так все же лучше.

Подумаю о чем-нибудь другом. Закрываешь глаза, и начинают, колеблясь, плавать какие-то длинные нити. Это песчаные узоры, бегущие по дюне. Полдня неотрывно смотрел на них, и они, наверно, отпечатались на сетчатке. Такие же потоки песка погребали, поглощали процветающие города и великие империи. Кажется, про Римскую империю иногда говорят, что она потонула в песке... А города, воспетые Омаром Хайямом... В них были портняжные мастерские, были лавки мясников, базары. Их опутывали, густо переплетаясь, дороги, которые, казалось, ничто не сдвинет с места. Сколько лет нужно было бороться с властями, чтобы изменить направление хотя бы одной из них... Древние города, в незыблемости которых не сомневался ни один человек... Но в конце концов и они не смогли противостоять закону движущегося песка диаметром в одну восьмую миллиметра.

Песок...

Если смотреть сквозь призму песка, все предметы, имею-

щие форму, нереальны. Реально лишь движение песка, отрицающего всякую форму. Но там, за тонкой стеной в одну доску, женщина продолжает копать. Ну что она может сделать такими тонкими, хрупкими руками? Все равно что пытаться вычерпать море, чтобы на его месте построить дом. Спуская корабль на воду, нужно знать, что собой представляет вода.

Эта мысль неожиданно освободила его от чувства подавленности, вызванного шуршанием песка, который копала женщина. Если корабль пригоден для воды, он должен быть пригоден и для песка. Если освободиться от сковывающей идеи неподвижного дома, то отпадет необходимость бороться с песком... Свободный корабль, плывущий по песку... Плывущие дома... Лишенные формы деревни и города...

Песок, естественно, не жидкость. Поэтому на его поверхности ничто не удержится. Если, к примеру, положить на него пробку, имеющую меньший удельный вес, чем песок, то через некоторое время и она утонет. Чтобы плыть по песку, корабль должен обладать совершенно иными, особыми качествами. К примеру, дом, имеющий форму бочки, который может двигаться перекатываясь... Если он будет хотя бы немного вращаться, то сможет стряхивать наваливающийся на него песок и вновь подниматься на поверхность... Конечно, при непрерывном вращении всего дома живущие в нем люди не могут чувствовать себя устойчиво... Нужно будет, наверно, проявить изобретательность – ну хотя бы одну

бочку вложить в другую... Сделать так, чтобы центр тяжести внутренней бочки оставался неизменным и пол всегда был внизу... Внутренняя бочка всегда будет неподвижной и только внешняя – вращаться... Дом, который будет раскачиваться, как маятник огромных часов... Дом-люлька... Корабль песков...

Деревни и города в непрерывном движении, состоящие из скоплений этих кораблей...

Незаметно для себя он задремал.

Мужчину разбудило пение петуха, похожее на скрип заржавевших качелей. Беспокойное, неприятное пробуждение. Казалось, только что рассвело, но стрелки часов показывали одиннадцать часов шестнадцать минут. Действительно, солнце светит, как в полдень. А сумеречно здесь потому, что это дно ямы и солнечные лучи еще не проникли сюда.

Он поспешно вскочил. С лица, с головы, с груди шурша посыпался песок. Вокруг губ и носа налип затвердевший от пота песок. Отирая его тыльной стороной руки, мужчина растерянно мигал. Из воспаленных глаз безостановочно текли слезы, как будто по векам провели чем-то шершавым. Но одних слез было недостаточно, чтобы смыть песок, забившийся во влажные уголки глаз.

Он пошел к баку, стоявшему на земляном полу, зачерпнуть хоть немного воды и вдруг заметил женщину, посапывавшую около очага. Забыв о рези в глазах, он затаил дыхание.

Женщина была совершенно обнаженной.

Сквозь застилавшую глаза пелену слез она показалась ему неясной, расплывчатой тенью. Она лежала на циновке без всякой подстилки, навзничь, все ее тело, кроме головы, было как будто выставлено напоказ, левая рука чуть прикрывала низ упругого живота. Уголки тела, которые люди обычно

прячут, – на виду, и только лицо, которое никто не стесняется держать открытым, обернуто полотенцем. Это, конечно, чтобы предохранить от песка глаза, рот, нос, но все же подобный контраст еще резче подчеркивал ее наготу.

Все тело покрыто легким, тонким налетом песка. Песок скрыл детали и подчеркнул женственность линий. Она казалась скульптурой, позолоченной песком. Неожиданно из-под языка у него побежала липкая слюна. Но он не мог проглотить ее. Песок, забившийся в рот между губами и зубами, впитал в себя слюну и расплзся по всему рту. Он нагнулся к земляному полу и стал выплевывать слюну, смешанную с песком. Но сколько ни сплевывал, ощущение шершавости во рту не исчезало. Как он ни вычищал рот, песок там все равно оставался. Казалось, между зубами непрерывно образуется все новый и новый песок.

К счастью, бак был снова наполнен до краев водой. Ополоснув рот и вымыв лицо, мужчина почувствовал, что возвращается к жизни. Никогда еще он не испытывал так остро чудодейственность воды. Так же, как и песок, вода – минерал, но это настолько чистое, прозрачное неорганическое вещество, что оно соединяется с телом гораздо легче, чем любой живой организм... Давая воде медленно вливаться в горло, он представил себе ощущение животного, питающегося камнями...

Мужчина снова повернулся и посмотрел на женщину. Но приблизиться к ней ему не захотелось. На женщину, припо-

рошенную песком, приятно смотреть, но касаться ее едва ли приятно.

Возбуждение и злость, испытанные им ночью, сейчас, при свете дня, казались неправдоподобными. Будет ему что порассказать. Как будто для того, чтобы закрепить в памяти все увиденное, он еще раз посмотрел вокруг и стал быстро собираться. Рубаху и брюки не поднять – столько в них набилось песка. Из-за такого пустяка нечего волноваться. Но вытряхнуть песок из одежды оказалось труднее, чем вычесать перхоть из головы.

Ботинки тоже были засыпаны песком.

До того, как уйти, нужно, наверно, сказать что-нибудь женщине?.. Но с другой стороны, если разбудить спящую, ей будет стыдно. Да, но как же быть с платой за ночлег?.. А может быть, лучше на обратном пути зайти в правление артели и передать деньги старику, который вчера привел его сюда?

Потихоньку, стараясь не шуметь, он вышел из дома.

Солнце, как кипящая ртуть, коснулось края песчаной стены и постепенно разлилось по дну ямы. От неожиданно ударившего в лицо ослепительного света он вздрогнул и прикрыл глаза. Но в следующее же мгновение забыл обо всем, растерянно глядя на высившуюся перед ним стену песка.

Невероятно! Висевшая здесь ночью веревочная лестница исчезла.

Мешки, которые он заметил, наполовину засыпанные песком, виднелись на старом месте. Значит, он ничего не пу-

тает. Может ли быть, чтобы одна только лестница ушла в песок?.. Он ринулся к стене и стал разгребать ее руками. Песок, не сопротивляясь, рушился и сыпался вниз. Но ведь он ищет не иголку и если ничего не нашел сразу, то сколько ни рой – результат будет тот же... Стараясь заглушить растущее беспокойство, мужчина, недоумевая, стал снова осматривать песчаный обрыв.

Нет ли такого места, где можно бы взобраться? Несколько раз он обошел вокруг дома. Если влезть на крышу у северной стены, обращенной к морю, то здесь, пожалуй, ближе всего до верха, но все равно это метров десять, а то и больше, и к тому же стена эта самая обрывистая. Да еще и свисает тяжеленная шапка песка, на вид очень опасная.

Сравнительно более пологой кажется западная стена, слегка изогнутая, как внутренность конуса. По самым оптимистическим расчетам, угол здесь пятьдесят, ну самое меньшее сорок пять градусов. Для пробы надо сделать осторожно первый шаг. Поднялся на один шаг – съехал на полшага. Но все же, если постараться, влезть можно.

Первые пять-шесть шагов все шло, как он и предполагал. Потом ноги начали тонуть в песке. Не успев еще толком понять, продвинулся ли он вперед, он до колен ушел в песок, и уже не было сил идти дальше. Он сделал попытку одолеть склон, карабкаясь на четвереньках. Горячий песок обжигал ладони. Все тело покрылось потом, на пот налип песок, залепило глаза. А потом судорогой свело ноги, и он уже совсем

не мог двигаться.

Мужчина остановился, чтобы отдохнуть и перевести дыхание. Думая, что значительно продвинулся вперед, он открыл глаза и, к своему ужасу, обнаружил, что не поднялся и на пять метров. Чего же ради он бился все это время? Да и склон раза в два круче, чем казался снизу. А тот, что над ним, еще страшнее. Ему нужно было карабкаться вверх, но вместо этого все силы, как видно, ушли на то, чтобы вгрызться в песчаную стену. Песчаный выступ, нависавший прямо впереди, преграждал ему путь.

Мужчина дотронулся до пересохшего выступа над головой, и в тот же миг песок ушел у него из-под ног. Неведомая сила выбросила его из песка, и он упал на дно ямы. В левом плече хрустнуло, как будто сломалась палочка для еды. Он ощутил слабую боль. И словно чтобы унять эту боль, мелкий песок еще некоторое время бежал шурша по склону. Потом остановился. К счастью, повреждение оказалось совсем пу-
стяковым.

Падать духом еще рано.

С трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, он медленно вернулся в дом. Женщина спала в прежнем положении. Сначала тихо, потом громче и громче он стал звать ее. Вместо ответа она, как будто проявляя неудовольствие, перевернулась на живот.

С ее тела ссыпался песок, слегка обнажив местами плечи, руки, бока, поясницу. Но ему было не до этого. Подойдя,

он сорвал у нее с головы полотенце. Ее лицо, все в каких-то пятнах, было неприятным, грубым, не то что припорошенное песком тело.

Странная белизна этого лица, поразившая его вчера, при свете лампы, несомненно, была достигнута с помощью пудры. Сейчас пудра кое-где стерлась и лежала кусками. На память пришли дешевые, приготовленные без яиц котлеты, на которых белыми пятнами проступает пшеничная мука.

Наконец женщина приоткрыла глаза, щурясь от яркого света. Схватив ее за плечи и трясая изо всех сил, мужчина заговорил быстро, умоляюще:

– Послушайте, лестницы нет! Как можно подняться наверх? Ведь отсюда без лестницы невозможно выбраться!

Женщина растерянно схватила полотенце и неожиданно резко несколько раз шлепнула себя по лицу, потом повернулась к нему спиной и упала ничком на циновку. Может быть, она застеснялась? Могла оставить это для другого раза. Мужчина завопил, точно его прорвало:

– Это не шутка! Если сейчас же не отдашь лестницу, плохо будет! Я тороплюсь! Куда ты ее девала, черт тебя возьми? Шути, да знай меру! Отдавай немедленно!

Но женщина не отвечала. Она лежала в той же позе и лишь слегка покачивала головой из стороны в сторону.

И вдруг мужчина как-то сник. Взгляд его потух, спазма перехватила горло, и он почти задохнулся. Он вдруг понял всю бессмысленность этого вопроса. Лестница-то была вере-

вочная... Веревочная лестница не может сама стоять... Даже если она у тебя в руках, снизу ее не приладишь. Значит, убрала ее не женщина, а кто-то другой, кто был наверху, на дороге... Обсыпанное песком небритое лицо исказилось в жалкой гримасе.

Поведение женщины, ее молчание приобрели неправдоподобно зловещий смысл. Обойдется, думал он, но в глубине души понимал, что самые худшие его опасения сбылись. Лестницу унесли, скорее всего, с ее ведома и, уж конечно, с полного ее согласия. Без всякого сомнения, она – сообщница. И эта ее поза продиктована не стыдом, а двусмысленностью ее положения. Это, несомненно, поза преступницы, а может быть, и жертвы, готовой принять любое наказание. Ловко они все провернули. Попался в эту проклятую ловушку. Доверчиво поддался заманиванию шпанской мушки, и она завлекла в пустыню, откуда нет выхода, – ну точно погибающая от голода мышь...

Он вскочил, кинулся к двери и еще раз выглянул наружу. Поднялся ветер. Солнце было почти над центром ямы. От прокаленного песка плыли вверх волны горячего воздуха, переливаясь, как мокрые негативные пленки. Песчаная стена выростала все выше и выше. Она-то знала все и словно говорила его мускулам и костям о бессмысленности сопротивления. Горячий воздух вонзался в тело. Жара становилась все более нестерпимой.

Неожиданно мужчина начал кричать как безумный. Он

выкрикивал какие-то бессмысленные слова, – не было слов, которыми он мог бы выразить свое отчаяние. Он просто вопил изо всей мочи. Ему казалось, что этот страшный сон, испугавшись крика, отлетит и, извиняясь за свою ненамеренно грубую шутку, выбросит его из песчаной ямы. Но голос, не привыкший к крику, был тонким и слабым. Ко всему еще он поглощался песком, рассеивался ветром и вряд ли разносился далеко.

Вдруг раздался ужасающий грохот, и мужчина умолк. Как и предсказывала вчера женщина, песчаный карниз, нависавший с северной стены, пересох и рухнул. Весь дом жалобно застонал, будто его скрутила какая-то неведомая сила, и, точно подчеркивая его страдания, из щелей между карнизом и стеной начала шурша сочиться серая кровь. Слюна заполнила рот, мужчина дрожал, как будто удар пришелся по нему самому...

Но все-таки это немислимо. Какое-то выходящее за всякие рамки происшествие. Можно ли загнать в ловушку, как мышь или насекомое, человека, внесенного в посемейный список, имеющего работу, платящего налоги и пользующегося правом на бесплатное медицинское обслуживание? Невероятно. Наверно, это какая-то ошибка. Да, конечно, это ошибка. Только и оставалось, что считать: это ошибка.

Прежде всего, делать то, что они со мной сделали, – глупо. Я ведь не лошадь и не бык, и против воли меня никто не заставит работать. А коль скоро я не гожусь как рабочая сила,

то нет никакого смысла держать меня запертым в этих песчаных стенах. Зачем сажать женщине на шею иждивенца?

Но уверенности почему-то не было... Посмотрев на песчаную стену, окружавшую его со всех сторон, он вспомнил, хоть это и было очень неприятно, неудачную попытку взобраться на нее... Сколько ни мечись у стены – толку никакого. Чувство бессилия парализовало его... Видимо, это какой-то разъедаемый песком особый мир, к которому обычные критерии неприменимы... Если сомневаться, то поводов для сомнений сколько угодно... Например, если верно, что новые бидоны и лопата были приготовлены специально для него, верно и то, что веревочную лестницу унесли нарочно. Дальше, разве не говорит об опасности его положения тот факт, что женщина не вымолвила ни слова, чтобы объяснить происшедшее, что она с обреченной покорностью легко и молчаливо довольствуется своей судьбой? Может быть, и ее вчерашние слова, из которых можно было понять, что он застрял здесь надолго, не были простой оговоркой?

Сорвалась еще одна небольшая песчаная лавина.

Испугавшись, мужчина вернулся в дом. Он подошел прямо к женщине, по-прежнему лежавшей ничком на циновке, и со злобой замахнулся на нее. Переполнявшая его ненависть разлилась в глазах, отдалась болью во всем теле. Но вдруг, обессилев, не коснувшись женщины, он тяжело опустил занесенную руку. Пожалуй, он бы не прочь отшлепать ее ладонью. Но может быть, на такое его действие и рассчитывала

женщина? Конечно, она этого ждет. Ведь наказание не что иное, как признание того, что преступление искуплено.

Он повернулся спиной к женщине, повалился на пол, обхватил голову руками и тихо застонал. Хотел проглотить наполнившую рот слюну, но не смог – она застряла в горле. Слизистая оболочка стала, наверно, очень чувствительной к вкусу и запаху песка, и сколько бы он здесь ни пробыл – не сможет привыкнуть к нему. Слюна превратилась в бурые пенящиеся сгустки, собиравшиеся в углах губ. Выплюнув слюну, он еще сильнее почувствовал шершавость песка, оставшегося во рту. Он пытался освободиться от него, облизывая кончиком языка внутреннюю сторону губ и продолжая сплевывать, но конца этому не было. Только во рту стало сухо и больно, как будто все там воспалилось.

Ладно, ничего не поделаешь. Обязательно поговорю с женщиной и попробую заставить ее рассказать обо всем подробно. Только если положение станет для него совершенно ясным, он сможет найти выход. Нельзя не иметь плана действий. Ну можно ли вынести такое дурацкое положение?.. Но что делать, если женщина не ответит?.. Это был бы поистине самый страшный ответ. А такая возможность совсем не исключена. Это ее упрямое молчание... и почему она лежит, подогнув колени, с видом беззащитной жертвы?..

Поза лежавшей ничком обнаженной женщины была чересчур непристойна, в ней было что-то животное. Казалось, она готова повернуться на спину, стоит ему коснуться ее.

При одной этой мысли он задохнулся от стыда. Но неожиданно он увидел себя палачом, терзающим женщину, увидел себя на ее теле, кое-где припорошенном песком. И понял... Рано или поздно это случится... И тогда он не вправе будет что-либо сказать...

Резкая боль сковала вдруг низ живота. Готовый лопнуть мочевого пузырь взывал об освобождении.

Помочившись, мужчина с чувством облегчения продолжал стоять, вдыхая тяжелые испарения... Он не рассчитывал, что, пока он стоит, может появиться какая-то надежда. Просто никак не мог заставить себя вернуться в дом. Вдали от женщины он еще отчетливее понял, как опасно быть рядом с ней. Нет, дело было, наверно, не в самой женщине, а в том, как она лежала, в этой ее позе. Ни разу не приходилось видеть такой непристойной женщины. Ни за что не вернусь в дом. Поза женщины слишком опасна.

Существует выражение: уподобиться мертвому. Это состояние паралича, в которое впадают некоторые виды насекомых и пауков, когда на них неожиданно нападут... Разбитое изображение... Аэродром, где диспетчерская захвачена сумасшедшими... Хотелось верить, что неподвижность, в которой он пребывал, сможет приостановить все движение в мире, ведь не существует же зимы для погруженных в зимнюю спячку лягушек.

Пока он мечтал, солнце начало печь еще нестерпимее. Мужчина скрючился в три погибели, будто для того, чтобы уйти от обжигающих лучей. Потом проворно наклонил голову и, ухватившись за ворот рубахи, с силой рванул его. Отлетели три верхние пуговицы. Стряхивая песок, забившийся под ворот рубахи, он снова вспомнил слова женщины, что

песок никогда не бывает сухим, что он всегда достаточно влажен, чтобы постепенно гноить все вокруг. Стянув рубаху, мужчина ослабил пояс, чтобы штаны хоть немного продуло ветром. Но, в общем, вряд ли было необходимо проявлять столько беспокойства. Недомогание как внезапно наступило, так же быстро и исчезло. Видимо, сырой песок теряет свою дьявольскую силу, как только соприкасается с воздухом.

Тут ему пришло на ум, что он совершил серьезную ошибку, чересчур односторонне объяснил наготу женщины. Нельзя, конечно, сказать, что у нее не было тайного стремления поймать его в ловушку. Но не исключено, что это была просто привычка, продиктованная теми условиями, в которых она жила. Ясно, что женщина ложится спать только с рассветом. Во сне человек легко потеет. Если же приходится спать днем, да еще в раскаленной песчаной чаше, то совершенно естественно желание обнажиться. На ее месте я бы тоже разделся, если бы была такая возможность...

Это открытие как-то сразу освободило его от тяжелого чувства, подобно тому как порыв ветра освобождает потное тело от песка. Нет смысла усугублять свои страхи. Настоящий мужчина сумеет убежать, разрушив сколько угодно стен из стали и железобетона. Нельзя впадать в отчаяние от одного вида замка, не выяснив точно, есть к нему ключ или нет... Не спеша, увязая в песке, он направился к дому... На этот раз буду говорить спокойно и узнаю у нее все, что мне необходимо... Она была права, что не вымолвила ни слова, когда

он набросился на нее с криком... А может быть, она молчала потому, что ей просто стало стыдно: она не позаботилась о том, чтобы он не увидел ее обнаженной.

После ослепительного блеска раскаленного песка в комнате было сумрачно, зябко и сыро. Спертый горячий воздух пах плесенью – не то что снаружи. Вдруг ему показалось, что у него начинается галлюцинация.

Женщины нигде не было. На миг он остолбенел. Хватит загадывать загадки! Но в общем, никакой загадки и нет. Женщина, конечно, здесь. Опустив голову, она молча стояла спиной к нему перед баком с водой около умывальника.

Она уже оделась. От подобранных в тон бледно-зеленого с яркими узорами кимоно и шаровар, казалось, исходил освежающий аромат мятного бальзама. Да, тут ничего не скажешь. Опять он слишком много думает о женщине. Но в этих совершенно невероятных условиях, да еще притом что он не выспался как следует, у него не могло не разыгаться воображение.

Одной рукой женщина оперлась о край бака и, глядя внутрь, медленно чертила пальцем круги на воде. Мужчина, энергично размахивая потяжелевшей от песка и пота рубашкой, плотно намотал ее на руку.

Женщина оглянулась, насторожилась. Ее лицо так непосредственно выражало немой вопрос, мольбу, что казалось, всю свою жизнь она прожила именно с таким выражением. Мужчина хотел по возможности держаться так, будто ничего

не произошло.

– Жара, правда?.. В такую жару просто не хочется рубаху надевать.

Но женщина все еще смотрела на него недоверчиво, вопросительно, исподлобья. Наконец с робким, деланным смешком она сказала прерывающимся голосом:

– Да... правда... Когда вспотеешь одетая, вся покрываешься песчаной сыпью...

– Песчаной сыпью?

– Угу... Кожа краснеет... становится как после ожога и слезает.

– Хм, слезает?.. Я думаю, она просто прет от влажности.

– Может, и поэтому... – Похоже было, что женщина немного осмелела, стала словоохотливее. – Как только мы начинаем потеть, стараемся снять с себя все, что только можно... Да ведь вот видите, как мы живем, – нечего бояться, что попадешься кому-нибудь на глаза...

– Ну конечно... Знаете, мне неудобно, право, но все же я хотел попросить вас выстирать мне эту рубаху.

– Хорошо, завтра как раз привезут воду.

– Завтра?.. Завтра, пожалуй, поздновато... – Мужчина хмыкнул. Ловким маневром ему удалось перевести разговор в нужное русло. – Кстати, когда же наконец меня поднимут наверх?.. Мне все это крайне неудобно... Для такого обыкновенного служащего, как я, нарушение установленного распорядка даже на полдня может повлечь за собой весьма се-

рьезные последствия... Я не хочу терять ни минуты... Жесткокрылые – это насекомые, которые летают над самой землей... Их очень много в песчаной местности, вы знаете, какие они?... Я хотел как раз во время этого своего отпуска постараться найти хоть какой-нибудь новый вид этого насекомого...

Женщина слегка шевелила губами, но ничего не говорила. Похоже было, что она повторяла про себя незнакомое слово «жесткокрылые». Но мужчина безошибочно почувствовал, что она снова замкнулась. И, как будто невзначай, он сменил тему:

– Неужели у вас нет никаких средств, чтобы поддерживать связь с другими жителями деревни?.. Что, если, например, бить в бидоны из-под керосина?

Женщина не отвечала. Со скоростью камня, брошенного в воду, она снова погрузилась в свое спасительное молчание.

– В чем дело, а?.. Почему молчите? – Он едва не вышел из себя и с трудом поборол желание заорать. – Не понимаю, в чем дело... Если произошла ошибка, будем считать это ошибкой – и все в порядке... Что сделано, то сделано, и затевать историю я не собираюсь. Поэтому молчать – худшее, что вы можете сделать. Хорошо. Есть вот такие же точно школьники, но я им всегда говорю: сколько бы вы ни притворялись, что берете вину на себя, в действительности это самое малодушное поведение... Если вы можете оправдать свой поступок, то в чем же дело, говорите сразу!

– Но... – Женщина отвела глаза, но голос ее прозвучал неожиданно твердо: – Вы, наверно, и сами уже поняли?

– Поняли? – Он даже не пытался скрыть потрясение.

– Да, я думала, вы уже, наверно, поняли...

– Ничего я не понял! – Мужчина все-таки закричал: – Как я могу понять? Разве можно понять, когда ничего не говорят?

– Но ведь и вправду женщине одной не под силу при такой вот жизни...

– Но какое отношение все это имеет ко мне?

– Да, наверное, я виновата перед вами...

– Что значит «виновата»?.. – От волнения у него заплетался язык. – Выходит, тут был целый заговор?.. В западню положили приманку... Думали, я вскочу в нее, как собака или кошка, стоит только посадить туда женщину...

– Правильно, но ведь скоро начнутся северные ветры и песчаные бури – мы их очень боимся... – Она мельком взглянула на раскрытую настежь дверь. В ее монотонном, тихом голосе чувствовалась тупая убежденность.

– Это не шутка! Даже бессмыслица имеет пределы! Это не что иное, как незаконное задержание... Настоящее преступление... Как будто нельзя было обойтись без насилия: ну, к примеру, взяли бы безработных за поденную плату, их сколько угодно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.